

The book cover features a man and a woman in a dark, atmospheric setting. The man, on the left, is bald with a beard and wears a dark leather trench coat over a white t-shirt. The woman, on the right, has long, wavy blonde hair and wears round sunglasses and a dark jacket. She is looking directly at the camera with a serious expression. The background is dark and moody, with a warm, golden light source in the upper right corner creating a lens flare effect. The title 'Тоскуешь в мою дверь' is written in a large, stylized font at the bottom, and the author's name 'Ярослава А' is at the top right.

Ярослава А

Тоскуешь
В МОЮ ДВЕРЬ

Ярослава А

Постучись в мою дверь

<https://litres.ru/74660657>

SelfPub; 2026

Аннотация

- И чё? Даже не угостишь чайком своего спасителя?

Окидываю придирчивым взглядом длинный, явно выдавший лучшую жизнь, кожаный плащ мужчины, стоптанные ботинки. Возвращаюсь к заросшему щетиной лицу и говорю:

- Что-то не особо вы похожи на спасителя. Скорее на бандита.

- Да, ладно, - усмехается он, - Ты, хоть когда-нибудь настоящих бандитов видела? А, Конопка? Я же настоящий рыцарь!

- Угу, - бучу я, лихорадочно пытаюсь придумать, как избавиться от этого странного, наглого человека, - Рыцарь в пальто. Где же ваши сияющие доспехи?

- Ха! – весело восклицает он, - А это что?

С этими словами он широко и задорно улыбается, явив малость офигевшей мне ровный ряд блестящих золотых зубов.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ярослава А

Постучись в мою дверь

Глава 1

Соня

— Эй, Пушкина, очнись! Пора домой собираться!

С трудом оторвав уставший взгляд от экрана монитора, поворачиваю голову в сторону своей коллеги и, увидев то, что та уже почти полностью оделась и наострила лыжи на выход, стала спешно сворачивать программы на компьютере.

— Поль, ты иди. Я сама все закрою, — говорю ей, поглядывая на часы.

— Не боишься одна ходить? — спрашивает Полина и снимает с вешалки свое красивое синее пальто. — За мной муж приехал. Можем подвезти.

— Брось, Поль, — машу рукой. — Мне еще документы надо разложить. Беги к мужу. Небось, заждался.

— Ну, тогда я побежала. Пока!

— Пока, — эхом откликаюсь я и со вздохом принимаюсь разгребать завал на своем столе.

День выдался тяжелый. Бесконечный поток бестолковых клиентов вымотал меня так, что перед глазами пляшут мушки, а в голове аж пульсирует от боли. Но прибраться все же надо, потому что завтра будет новый день и новые клиенты, а в таком бардаке работать совершенно невозможно.

Если бы я только знала, что после окончания университета с отличием стану не востребованным специалистом, а

обычным финансовым консультантом по выдаче микрозаймов, то вообще не стала бы тратить время на учебу. Чтобы работать в этой конторке, диплома не надо.

А ведь училась с таким старанием, с такими надеждами и амбициями.

И как же жаль, что все это разбилось о жестокую реальность, в которой без связей, поддержки родителей и банального блата ты никогда в жизни не устроишься на нормальное место, и даже с треклятым красным дипломом твой потолок – это вот такая зачуханная контора, что работает на полулегальной основе. Про моральный аспект такой работы и думать нечего. О нем как-то быстро забываешь, когда кушать хочется.

Разобрав все бумаги, переобуваюсь в удобные ботинки, надеваю свой плащ, аккуратно поправляю теплый шарф и смотрю в окно, с тоской подмечая, что на улице, кажется, снова идет дождь.

Весна в этом году затяжная, дождливая, холодная. Такая же неприветливая, как и наш с Русом новый дом. Вернее квартира, в которую мы переехали три месяца назад и никак не можем обжиться. Это почти невыполнимая миссия с учетом состояния квартиры и размера моей зарплаты.

Тянусь рукой к выключателю, чтобы потушить в офисе свет, как в сумке настойчиво звонит телефон. Узнав номер учительницы Руслана, я сначала малодушно решаю не брать трубку. Типа, меня нет – я в домике. Но когда Татьяна Ива-

новна проявляет настойчивость и набирает второй раз, понимаю, что мне никак не отвертеться от разговора.

— Алло. И вам добрый вечер, Татьяна Ивановна! Что? Не отвечаю на ваши сообщения? Так я на работе занята. Вы же знаете, что я работаю с утра до позднего вечера. А что поделаться, Татьяна Ивановна? Цены растут, а ребенка кормить надо.

С учительницей Руслана мы беседуем от силы пять минут, за которые я успеваю узнать, что сегодня мой брат в очередной раз нагрубил завучу, изрисовал парту, подрался с одноклассником и, вишенка на торте, разбил камнем окно на первом этаже.

— Татьяна Ивановна, это точно был Руслан? — стараюсь не поддаваться панике, спрашиваю я.

— Софья Ивановна, вы считаете, что я совсем из ума выжила, чтобы не верить своим глазам?! — чуть ли не визжит учительница. — Меня чуть удар не хватил, когда я узнала в хулигане своего ученика! Вы же понимаете, что после такого мы вынуждены создать комиссию.

— К-какую комиссию?

— Педагогическую, разумеется. Ваш брат на волоске от исключения из нашей школы. Вы это понимаете?

Уж это я точно понимала.

А еще четко осознавала, что на надо тащиться на поклон к директору с пухлым конвертом, иначе этот чертов педсовет от нас с Русом точно не отстанет. Еще не хватало проблем с

опекой. Мы только-только начали жить спокойно.

Говорить с Татьяной Ивановной больше совершенно не хотелось. Пообещав завтра обязательно прийти в школу, я отключилась, с облегчением выдохнула и, прихватив зонт, вышла в небольшой вестибюль. Кивнула пожилому охраннику и, раскрыв свой яркий красный зонт, вышла на улицу.

Там в лицо сразу ударил порыв ледяного ветра, заставив внутренне съежиться от перспективы пешей прогулки до дома. Конечно, можно было и раскошелиться на такси, но я, упрямо натянув шарф по самый нос, сделала шаг вперед, выходя из-под козырька крыши под проливной дождь.

Не сахарная – не растаю, а деньги совсем не лишние, чтобы тратить их на такси.

Мне еще за разбитое Русланом окно платить...

Тут до дома всего-то пару кварталов пешком, а промокшие ботинки высохнут на батарее до завтра.

Минут через пятнадцать быстрого шага я, бодро шлепая ногами по лужам, сворачиваю в безлюдную арку, чтобы сократить дорогу. Страшновато ходить одной по подворотням. Район, в котором мы живем, имеет дурную славу. Алкаши и наркоманы кругом, но обычно они своих районных не трогают, ибо красть у нас особо нечего.

Иду, не оглядываясь и нервно сжимая ручку зонта, понимаю, что кто-то идет за мной следом. Сглотнув, шустрее передвигаю ноги и с ужасом осознаю, что шаги за спиной ускоряются вместе со мной.

Мамочки! Кто-то, кажется, целенаправленно идет за мной.

В какой-то момент я не выдерживаю и, чуть затормозив, оборачиваюсь.

Оказывается, преследователь у меня не один.

Их двое.

Две темные сгорбившиеся фигуры с надвинутыми на лицо капюшонами в момент окружают меня с разных сторон.

В страхе пачусь спиной под сень арки, понимая, что кричать бесполезно.

Никто не выйдет мне на помощь.

— Что вам надо? — хрипящим от паники голосом спрашиваю я. — Денег у меня нет.

Это не совсем правда. В кошельке лежит тысяча, которую я, тупая курица, зажала на такси.

Чтобы я еще хоть раз пошла на поводу у своей жадности!

Преследователи молчат и окружают меня, точно коршуны с разных сторон.

Один подходит совсем близко и больно хватает меня за предплечье.

Красный зонт летит в сторону, а я в ужасе кричу, потому что внезапно осознаю — эти двое хотят вовсе не денег.

— Помогите!!! А-а-а! — сиреной ору, хотя и понимаю, что это бесполезно.

Посильнее сжав в руке свое единственное оружие — сум-

ку, начинаю, что есть дури, лупить мужика по голове, но за моей спиной возникает второй и, вырвав сумку из рук, отбрасывает ее в сторону.

— А-а-а-а!!! — перехожу на ультразвук, пока чья-то огромная лапа не затыкает мне рот.

Понимая, что против двоих у меня никаких шансов, я продолжаю остервенело драться, словно дикая кошка, ровно до того момента, пока рядом не раздастся хриплый мужской голос:

— А ну, быстро отпустили девку, слизни!

Оба на мгновение замирают, но довольно быстро приходят в себя и делают рокировку. Один ловко перехватывает меня под локти и прижимает к себе, чтобы не брыкалась, а второй поворачивается к человеку, что стоит в тени, и только яркая точка тлеющей сигареты говорит о том, что нам всем не померещилось.

— Шел бы ты, мужик. Это наша баба!

Секунда молчания, и сигарета летит на мокрый асфальт.

Мой неожиданный заступник делает шаг вперед, а насильник, наоборот, инстинктивно отступает назад.

И я могу понять, почему.

В тусклом свете уличного фонаря высокая, плечистая фигура в длинном плаще выглядит внушительно и пугающе. Особенно по сравнению с щуплым куском придурка, что решил на пару с дружкой напасть на беззащитную девушку.

— Нормальный мужик со своей бабой так обращаться не

будет, — спокойно замечает мужчина.

— Тебе-то какое дело?! — кричит тот, что продолжает удерживать меня и глумливо лапать за грудь, хотя там, через плотный плащ особо ничего не нащупать. — Иди куда шел! Не мешай отдыхать людям.

Высокий человек в плаще внезапно хрипло и заразительно смеется, а затем кашляет так, словно ему перехватило дыхание.

— Чё ты ржешь?!

Мужчина снова хохочет, а после коротко отвечает:

— Так вы ж разве люди? Вы слизни обкуренные!

Уж не знаю, что это за такое магическое оскорбление, но оба моих обидчика разом напряглись, а после бросились на этого мужика, позабыв обо мне.

И мне бы брать ноги в руки и бежать отсюда скорее, но то ли от стресса у меня мозг отказался функционировать, то ли ноги после драки ослабли. Факт в том, что я застыла с открытым ртом и принялась расширенными от ужаса и одновременно восхищения глазами наблюдать, как этот крутой чувак в кожаном пальто принялся раскидывать этих слизней, как котят по углам.

Раз!

Два!

Три!

А потом у них кончились силы, и они дружно решили, что по углам сидеть безопаснее.

— А говорили, не слизни, — усмехнулся мой спаситель и, вспомнив обо мне, сделал решительный шаг вперед.

И вот тут я поняла, что дура в квадрате.

Почему?

Да потому, что этот тип, по сравнению с предыдущими, выглядит нифига не респектабельнее. Даже наоборот.

И если от тех был хоть шанс отбиться, от такого бугая — точно не убежишь.

«Беги, Сонька, беги!» — пронеслась бешеной белкой мысль, и я стартанула, что есть сил, надеясь, что я так же ловка и могуча, как эта самая белка.

На деле же...

Спотыкаясь и задыхаясь, я, как припадочная, бегу по лужам, а мужик в плаще точно летит следом и кричит:

— Да постой ты! Во дурная девка... Сумка твоя...

Но я его не слышу. Знаю только то, что надо бежать.

А впереди как раз уже виднеется дверь моего подъезда.

И вот это как раз тот случай, когда я жалею, что у нас поставили новый работающий домофон. Ключи-то в сумке.

А сумка где?

Пока я тормозила и тупила у двери, громила почти что поравнялся со мной и, судорожно выдыхая, согнулся пополам, опираясь о колени.

— Фу-у-х, ты коза резвая. Еле догнал, — пожаловался он, тяжело дыша и протягивая мою сумку. — Забыла ты. Там, небось, документы лежат. Держи.

В страхе вжимаясь в дверь, я во все глаза пялюсь на незнакомца и понимаю, что меня начинает отпускать, и включается логика.

Дрожащей рукой забираю у него свою сумку, достаю ключи, но руки слушаются плохо, трясутся, и ключи падают на пол, прямо мне под ноги.

— Да что ж ты такая впечатлительная? Не трону я тебя. Больно ты мне нужна.

Странное дело, но после этих слов мне прям легчает.

Позволяю незнакомцу самому поднять мои ключи, открыть дверь и зайти в подъезд вместе со мной.

Живем мы с Русом на пятом и самом верхнем этаже, следовательно, как и в любой другой пятиэтажке, здесь нет лифта.

Тяжело переставляя ноги, трясясь от холода из-за насквозь промокшего плаща и сырых ботинок, упрямо карабкаюсь по лестнице и где-то на пролете между вторым и третьим этажом понимаю, что мой спаситель решительно двигается следом.

Что ему надо?

Уж не денег ли он хочет за мое спасение?

На бутылку...

На ум приходит та самая зажабленная тысяча.

И что, выходит, я ее берегла, чтобы вот так отдать незнакомому человеку?

Какая я все-таки жадная.

И почему мне совсем не стыдно?

Разве так меня отец воспитывал?

С такими вот мыслями преодолеваю еще две ступеньки и, откинув мокрые волосы с лица, поправляю съехавшие на кончик носа очки, а после уже поворачиваюсь к мужчине.

— Спасибо вам за то, что вступились, но отблагодарить мне вас нечем.

— Совсем-совсем? — с доброй усмешкой интересуется он.

— Совсем-совсем, — с самым серьезным видом киваю в ответ.

Незнакомец смотрит на меня как-то странно, изучающе, и в этот момент он совсем не похож на человека, что спасает девушек ради бутылки. В глазах его светится ясный ум и какой-то неразгаданный мною интерес.

— И чё? Даже не угостишь чайком своего спасителя?

Окидываю придирчивым взглядом длинный, явно выдавший лучшую жизнь, кожаный плащ мужчины, стоптанные ботинки. Возвращаюсь к заросшему щетиной лицу и говорю:

— Что-то не особо вы похожи на спасителя. Скорее на бандита.

— Да, ладно, — усмехается он. — Ты хоть когда-нибудь настоящих бандитов видела? А, Конопка? Я же настоящий рыцарь!

— Угу, — бучу я, лихорадочно пытаюсь придумать, как избавиться от этого странного, наглого человека. — Рыцарь

в пальто. Где же ваши сияющие доспехи?

— Ха! — весело восклицает он. — А это что?

С этими словами он широко и задорно улыбается, явив малость офигевшей мне ровный ряд блестящих золотых зубов.

— Ну, так что, Кнопка, насчет чая? Я замерз жуть, пока бежал за тобой. Все ноги промочил.

С этими словами он кивает на свою, явно сырую, обувь и добавляет:

— А если я завтра заболēju и помру? Что делать будем?

— Конкретно вы уже ничего делать не будете, — со знанием дела отвечаю я. — А я, так и быть, принесу вам на могилку пару гвоздик.

Едва эти едкие и, наверняка, обидные слова слетают с моего языка, как я тут же жалею.

Сонька, ты — идиотина ходячая!

Кто ж такими вещами, как могилка, шутит?

Человек тебе помог, спас, даже сумку отдал.

А ты поблагодарить по-человечески не можешь!

Быть может, это потому, что я в последнее время после смерти отца постоянно сталкиваюсь с нечеловеческим отношением к себе. С волками жить, как говорится...

Зачерствело, покрылось толстой корой из непробиваемого гранита мое сердце. Работа, опять же, наложила свой отпечаток. Контингент, что приходится обслуживать, тот еще. Каждый день за глаза и в глаза желают смерти. Особенно,

когда платить по кредиту приходится.

Удивительное дело, но вместо того, чтобы оскорбиться, незнакомец начинает ржать как конь. Да так громко, что эхо от его смеха раздается по всему подъезду.

— Да тише вы, — змеей шиплю я. — Вы мне всех соседок разбудите. Вы хоть представляете, что такое злобное скопище пенсионерок? Они меня завтра сожрут, до лавочки дойти не успею!

Новая порция веселья, которое мужчина искренне пытается подавить, и вместо смеха у него выходит бульканье.

Ловлю себя на том, что, глядя на это непотребство, глупо улыбаюсь, и тут же одергиваю себя.

Мне это не нравится...

— Забавная ты, Кнопка, — отсмеявшись, заявляет мужик.

Как-как он меня называет?

Это мне тоже не нравится...

Я взрослая женщина!

И вообще...

— Я чай люблю с медом... липовый, — негромко и как-то по-особому растягивая слова, говорит он. — У тебя есть?

— Есть, — буркаю я и неохотно добавляю: — Ладно. Пойдемте, подсушу ваши ботинки феном, но это... это только потому, что вы меня спасли! Ясно?

— Как скажешь, Кнопка, — радостно оскалился тип и неожиданно представился: — Игнат.

И так это у него гордо и благородно прозвучало, что мне не оставалось ничего иного, как чинно ответить:

— София.

Глава 2

Соня

Захожу в свою тесную, малость обшарпанную прихожую и пытаюсь вспомнить, когда я в это жилище приводила гостей.

Игнат заваливается следом, сразу заполняет собой и своими широченными плечами почти весь дверной проем, и я понимаю, что никогда.

Гостей в этом унылом клоповнике пока еще не было.

И не потому, что я такая необщительная.

Просто после того, как мы с Русом резко обеднели, весь мой круг общения, включая самых преданных друзей, посчитали, что им не пристало дружить с нищелюбами. Руслану в этом плане повезло больше. У него друзей нет от слова совсем. Его единственный приятель — это сверхскоростной ноутбук, который у меня рука не поднялась продать. С недавних пор понятие «друзья не продаются» имеет для меня какой-то новый, практически сакральный смысл.

Вообще последние события в нашей с Русом жизни не просто перевернули с ног на голову действительность, но и, так сказать, расширили нравственные горизонты.

Разве еще полгода-год назад отважилась бы я позвать в гости незнакомого мужика с фейсом настоящего уголовника пить тёткин липовый чай?

Вот-вот.

А сейчас это происходит так, словно у меня всегда в приятелях были товарищи с татуированными пальцами.

Странные «рисунки» на руках в Игната я заметила, когда он снял свое пальто и разулся. Сначала подивилась великанскому размеру его ботинок, которые рядом с моими казались контрастно огромными, а уже после заметила покрытые наколками руки.

Сместила взгляд чуть выше к запястьям мужчины, где тонкая вязь рисунка уходит под рукав темно-синего свитера, и стало любопытно – а есть ли у него татушки еще на теле?

Поймав себя на мысли, что очень даже неприлично разглядываю своего нового знакомого, смутилась и быстро отвела взгляд, пока этот бритоголовый себе ничего лишнего не надумал.

Я, конечно, не обольщаюсь насчет своей привлекательности, но кто его знает.

Вон – упыри в подворотне позарились.

Вдруг у этого тоже вкус... м-м-м... своеобразный.

Понимая, что мои мысли вновь съехали куда-то не в ту сторону, чертыхнулась и, обув тапки, потопала на кухню.

— Простите, Игнат, но тапочек вашего размера у меня не имеется, — сказала, глядя, как черные носки мужчины оставляют мокрые следы на стареньком, но чистом линолеуме.

— Я уже заметил, — откликнулся он и застыл в коридоре, явно прислушиваясь к громким звукам, что доносились из

соседней комнаты.

Обогнув гостя, я заглянула в комнату к Русу.

Тот самозабвенно рубился на компе в очередную стрелялку и, заткнув уши наушниками, отрешился от всего мира.

Пусть пока играет.

О разбитом в школе окне мы с ним потом побеседуем.

— Не обращайтесь внимания, — сказала я гостю, когда вернулась на кухню со своим феном в руках. — Это мой братишка рубится в реалистичные игры.

— Младший?

— Что?

— Брат младший?

— Как вы догадались?

— Если бы у меня была такая хрупкая и красивая младшая сестра, как ты, я бы ее каждый вечер с работы встречал.

Слова мужчины вогнали меня в краску.

Узнать, что золотозубый и бритоголовый амбал считает меня красивой, оказалось страшно и приятно одновременно.

Чувствуя, как горят уши, я поспешно сунула Игнату в руки фен, а сама принялась сушиться на убогой кухоньке и ставить на плиту обычный эмалированный чайник.

— У меня есть к чаю печенье. Хотите? — любезно предлагаю я.

— Сама пекла? — спрашивает он и ловко пристраивает свои ботинки под горячий поток воздуха из фена.

— Шутите? — хмыкаю я. — С моей работой некогда этим

делом заниматься. А с чего вы решили, будто я умею печь?

— Не знаю, — пожимает плечами мужчина. — Мне так кажется.

— Вы хорошо разбираетесь в людях, — задумчиво замечаю я, перебираю пальцами листочки липового чая и непонятно зачем спрашиваю: — Кем вы работаете?

На несколько мгновений повисает молчание, а после мужчина с улыбкой в голове журит:

— Любопытная, Кнопка? Если будешь слишком много знать — быстро состаришься.

— Так, значит, вы все же бандит?

— Фу, какое вульгарное слово.

— Ну, простите, больше не буду.

Ловлю себя на ощущении, что с этим человеком мне приятно общаться. Даже несмотря на то что он старше меня на добрый десяток лет и видимся мы впервые.

Удивительно даже.

Обычно я более скованна при первом знакомстве с людьми.

Быть может, именно так действует на меня стрессовая ситуация.

Завариваю чай в небольшой керамический заварник, расставляю чашечки с блюдцами из самого настоящего фарфора — то немногое, что я смогла унести из своего прежнего дома, ставлю корзину с печеньем перед Игнатом и усаживаюсь напротив него.

Все то время, что я суежилась, он не сводил с меня взгляда, и я чувствовала себя как-то необычно. Постоянно поправляла выбившиеся из прически пряди волос, теребила пуговицы на блузке и глупо краснела, стоило нашим глазам пересечься в крохотном пространстве кухни.

— А сахар у тебя в доме имеется? — попробовав фирменный чай тети Лиды, поинтересовался Игнат.

— Вы сладкоежка?

— Угу.

Такой честный ответ и совершенно бесхитростный взгляд слегка позабавили, и я без лишних слов полезла за сахаром. Потянула дверцу верхнего шкафчика на себя, но она внезапно сорвалась с петель и полетела мне прямо на голову. Если бы Игнат вовремя не среагировал и не дернул меня на себя, то эта дверь точно отбила бы мне все ноги.

А так я просто упала в могучие объятия моего нового знакомого, а он, рефлекторно прижав меня к себе, опрокинул чашку чая на столе и выругался.

Хорошо, что хоть чашка цела осталась.

Если бы она разбилась, то было очень обидно.

— Ты цела? — спросил Игнат, все еще удерживая меня в своих объятиях.

— Все в порядке, — отозвалась я, слегка ошеломленная его близостью, силой и очень вкусным запахом явно дорогой туалетной воды.

— Ты такая тоненькая, — зачем-то сказал он и, подцепив

густую прядь моих волос, что упала на лицо, заправил за ухо.

Хотелось бы что-то ответить, перевести все это в шутку, но я, как замороженная, смотрела ему в глаза и не могла вымолвить ни слова.

— Сонь! — донесся из коридора голос Руса. — Что там у тебя опять рухнуло?

В одно мгновение Игнат аккуратно поставил меня на ноги и, сделав шаг назад, увеличил между нами расстояние.

— Все хорошо! — крикнула я. — Дверца у шкафа отвалилась.

— Что? Опять?

— Как видишь.

Рус замер в проеме с хомутом на шее из наушников и еще какой-то блатной гарнитуры и заметно напрягся, узрев на нашей кухне незнакомого мужчину.

— А это еще кто? — довольно грубо поинтересовался брат и распрямил свою обычно сутулую спину, словно хотел казаться старше своих лет.

— Игнат, — мягко представила я мужчину.

— А чего это ты его тетя Лидиным чаем угощаешь?!

Да-да, в этом весь Рус. Ему неведомы чувство такта и элементарная вежливость.

— А тебе жалко? — с укором посмотрела на брата.

Рус надулся, но уползать обратно в свою комнату явно не спешил. С умным видом покачал головой при виде отвалившейся дверцы и поучительно заявил:

— А я говорил, что не надо было его покупать, а ты мне не верила. Это же рухлядь. Ему лет сорок! Не меньше!

— Это не рухлядь, — подал голос Игнат. — Это шкаф из настоящего дерева. Сейчас такой не купишь. А вот если у вас в доме найдется молоток, пассатижи и отвертка, то я вам его быстро соберу. Как новый будет и еще сорок лет прослужит.

Если бы кто-то из прежней жизни еще три месяца назад попросил у меня пассатижи, я бы даже не поняла, о чем идет речь, а узнав, предложила человеку нанять мастера и не париться.

Сейчас же без лишних разговоров отправилась в кладовку, где на антресолях, советского образца, что остались еще от прежних хозяев квартиры, у меня лежали кое-какие инструменты.

Пассатижей среди них не было, ибо мой женский мозг не знал, зачем сие приспособление и как с ним управляться. Зато отвертка и молоток нашлись. Их я приобрела через два дня после нашего с Русом эпического переезда и даже что-то ими пыталась делать. Забить гвоздь в стену не получилось, зато вышло прикрутить розетку, чем, кстати, очень горда по сей день.

— Это все, что есть, — выложила перед Игнатом на стол свои нехитрые запасы, на что он покачал головой:

— Негусто, но сейчас что-то скумекаем.

С этими словами, мужчина легко подхватил дверцу и, пристроив на стол, принялся отверткой снимать крепление

с внутренней стороны мебельного щита.

Мы с Русом только удивленно переглянулись и принялись завороченно наблюдать за какими-то воистину магическими манипуляциями, которые наш новый знакомый проводил над дверцей.

— Нож есть? — поднял на меня взгляд Игнат, протягивая руку, точно хирург требующий у медсестры скальпель.

На этот раз первым среагировал Рус, подал ему наш ту-пой, как чья-то голова, ножик и принялся с явным интересом дальше наблюдать за работой мужчины.

Буквально через пару минут Игнат ловко поставил крепление на место и, проверив его на надежность, прикрутил к шкафчику.

— Принимай, хозяйка, работу! — оскалился он, сверкнув зубами, чем подверг в еще больший шок Руса.

Осторожно подошла поближе, открыла дверцу, затем закрыла. Удивительное дело, но все работало и даже не думало отваливаться.

— Спасибо, — от души поблагодарила я. — Как у вас хорошо вышло.

— Ловкость, опыт и немного волшебства, — пошутил мужчина. — Твоей квартире явно не помешали бы мужские руки.

Последнюю фразу он произнес так, словно намекал на конкретно свои руки, но я сделала вид, что не поняла намека, и засуетилась над столом, подкладывая гостю в чай забы-

тый сахар.

Рус же еще больше насупился и, недобро поглядев на Игната, обратился ко мне.

— Сонь, можно тебя на минутку?

— Что? — уставилась на него и выразительно изогнула бровь, мол, «потерпи, мелкий».

— Мне вот прям срочняк твой совет нужен! — выразительно посмотрел на меня братец.

— Тебе? Ты часом не заболел?

— Заболел-заболел! Пойду к себе. А ты... там... принеси таблеточку, — выпалил Рус и, снова сгорбившись, будто старый дед, шмыгнул обратно к себе в комнату.

— Вот ведь вредный, — едва слышно прошептала себе под нос и обратила свое внимание на Игната, который все это время, оказывается, наблюдал за нами с понимающей улыбкой.

Так всегда смотрят на детей, которые толкают типа умные речи. Взрослые обычно в такой ситуации загадочно помалкивают и поддакивают, но думают о том, какую чушь ты несешь.

— Вы угощайтесь, — снова смутившись, выдавила я. — Я сейчас.

Прихватив для Руса большую кружку чая с медом, отправилась к нему в комнату.

— Ты с ума сошла?! — сразу накинулся на меня братец, едва я прикрыла за собой дверь. — Это что за тип? Ты видела

— у него на руках череп набит?!

— Да тише ты! — зашипела в ответ. — Услышит еще.

— Пусть слышит! — петушится Рус.

— Тогда заори во все горло, — ехидно поддела я. — Что ж при нем не говорил, а больным прикинулся?

Брат стушевался, но от своего не отступил:

— Сонь, этот чувак точно уголовник. Он тебе не пара!

— Рус, ты в стрелялки свои переиграл что ли? — вылупилась я на него. — Игнат меня в подворотне от двух наркоманов спас и за помощь попросил чаем угостить. Мне, что, его гнать в шею надо было?

— Каких наркоманов? — побледнел Руслан. — Ты серьезно?

— Нет, прикалываюсь, — буркнула я. — Ты же знаешь, в каком районе мы живем.

— Знаю, но раньше на нас никто не нападал. Ты сама-то как?

— Все нормально. Ты только не устраивай концерты. Ладно?

— Сонь, выпроводи его. Не нравится мне он.

Спорить с Русланом себе дороже. Мне иногда кажется, что у него переходный возраст раньше времени начался. Из чудесного доброго, пусть и слегка замкнутого малыша вырос ершистый, вредный, наглый подросток.

Интересно, я такая же была в его возрасте?

Не помню...

— Хватит бухтеть, — решительно заявила я и впихнула ему в руки кружку. — Пей свой чай и за уроки!

— Какие, нафиг, уроки? — возмутился тот.

— Обычные! — гаркнула я. — И потом ты чистосердечно мне расскажешь, кто разбил окно в школе, и какое отношение к нему имеешь ты?

Тут Рус притих и, лишь зло глянув на меня исподлобья, отправился за свой стол, шуршать рюкзаком и тетрадями.

То-то же...

Не думаю, что он меня послушается, но хоть немного прижмет свой распушившийся хвост. В конце концов, я за него отвечаю не только как сестра, но и как его опекун. Руслан это отлично понимает. Он вообще не по годам сообразительный парень. Весь в нашего папеньку. Тот тоже был умным, жаль, что не шустрым и очень доверчивым.

Но не будем о грустном.

У меня все же гость, который, похоже, от скуки сожрал мой месячный запас печенек.

Глава 3

Зебл

— Вы не заскучали?

Игнат отхлебнул вкусного, ароматного чая из кружки и, повернув голову в сторону коридора, где в тусклом свете лампочки Ильича показалась маленькая хозяйка квартиры, мысленно усмехнулся: заскучаешь тут...

Дом хоть и старый, но, как все старое, довольно добротный. Стены здесь тонкие и слышимость просто шикарная. Так что он невольно слышал весь разговор брата и сестры. Хотя и не прислушивался.

Нового о себе ничего не узнал.

А вот на то, что его собрались выпроводить так рано, даже как-то обиделся.

Не то чтобы он вжился в роль прекрасного рыцаря, но все же.

— Угу, — отозвался Зебл. — Но печенье вкусное.

Девушка помялась в дверях, а после шагнула в тесное помещение микроскопической кухни, подошла к окну и, нервно поправив занавеску, словно невзначай поинтересовалась:

— Как ваши ботинки? Не подсохли?

Они не то, что не подсохли, даже еще были не на половине пути к этому.

Игнат это знал.

Знала и Соня, но все равно спрашивала, а, следовательно, его светский визит к симпатичной Кнопке явно затягивался.

— Думаю, да, — не моргнув и глазом, соврал он, растягивая губы в улыбке. — Сейчас допью чай и пойду.

Едва слышный вздох облегчения сорвался с губ девушки, и Зебл, не удержавшись от ироничного смешка, поинтересовался:

— Что? Так не терпится избавиться от моей бандитской рожи?

Попал, что называется не в бровь, а в глаз, потому что Кнопка моментально вспыхнула. Да так ярко, что щеки и даже, кажется, уши девушки заалели от стыда. Последнее так и вовсе удивительно.

В этой миниатюрной молодой женщине явно чувствуется воспитание. Весь ее облик и манеры говорят о том, что она явно из интеллигентной и, вероятно, даже очень обеспеченной семьи. Братец ее мелкий так и вовсе представитель мажористой, правда, с подстреленным хвостом, братии.

Пока Соня пытается справиться с охватившей ее оторопью и подобрать слова, Игнат продолжает ее оценивающе разглядывать и понимает, что не ошибся.

Интеллигенточка.

Все в ней, от идеально опрятной блузки до со вкусом подобранных недорогих аксессуаров, кричит о том, что София получила прекрасное воспитание.

Еще там, в подворотне, мужчина заметил на пальце де-

вушки необычное кольцо. Изысканная и явно дорогая побрякушка из белого золота. Это тупые, обдолбанные слизни не заметили цацку, а у Зебла глаз наметан. Не зря столько лет у Казьменко работает.

— Я вовсе не хотела вас обидеть, Игнат, — наконец справившись с эмоциями, говорит она и опускается на стул напротив.

Ему нравится, как тихо, но твердо звучит ее голос. А еще ему нравится, что она не придумывает глупых оправданий, но при этом отвечает прямо со сдержанной тактичностью.

— Просто я устала. Время позднее, а мне завтра на работу. Сами понимаете...

Игнат все понимал, но уходил с особой неохотой.

Не успокоился, пока не выпил весь чай, не сточил все печенье в вазочке.

Делал этот нарочно медленно и искренне расстроился, когда вазочка опустела, ботинки подсохли, а предлогов остаться больше никаких в голове не возникло.

— Вам, наверное, завтра тоже на работу? — такой тихий, но весомый намек на толстые обстоятельства.

— Да, я как бы и сейчас на работе.

— А-а-а. Ненормированный график?

— Типа того.

На самом деле график у Зебла капец, какой бешеный.

Вот поймает козла Расташинского, подвесит его за одно место, а после можно будет и отдохнуть.

А пока покой Игнату только снится. Особенно теперь, когда его деятельный босс еще и трясется над своей новой женой и всем ее кругом общения.

С другой стороны, лучше уж Расташинского по всему городу выискивать, чем быть нянькой для большого пополнения в семье босса. Там пускай Пудель с пацанами развлекается, а у Зебла есть дела посерьезней.

Собрался он в два счета.

Кнопка проводила его до прихожей, что по размерам не отличалась от кухни, сунула ему в руки ботинки и даже собрала с собой целый пакет, полный липовых листочков с робкой ремаркой:

— Чаю дома попьете.

И ему бы привычно съязвить, посмеяться в ответ, да только слова на ум не приходят.

Стоит, как идиот, топчется на пороге, смотрит на нее, затем на узкую ладошку, что протягивает пакет с чаем, и не решается взять его.

— Берите же! Не стесняйтесь! Наверняка, дома у вас такого нет.

Дома у него, кроме собачьего и кошачьего корма, да трех банок безалкогольного пива, уже давным-давно ничего нет. Даже сахар кончился.

В целом такое положение вещей последние лет десять Игната устраивало. Вероятно потому, что он никогда не чувствовал себя одиноким, вкусно и сытно покушать мог в ре-

сторане, а скоротать ночь у случайной любовницы.

Вот с кем он будет распивать это чертов чай, если дома у него даже заварника не имеется?!

Кнопке он, разумеется, этого говорить не стал. С молчаливой благодарностью забрал из ее рук пакет и, окинув тонкую фигурку прощальным взглядом, вышел в прокуренный подъезд, намеренно запретив себе просить номер ее телефона.

Смысл?

Она все равно его не даст.

А если и даст, то он не станет ей звонить.

Слишком уж они разные.

Игнат это четко осознает, но все равно, выйдя на улицу и затянувшись сигаретой, отчего-то считает этажи и ищет глазами окно кухни, в надежде, что в нем мелькнет легкий силуэт Сони.

Красивая она и явно не глупая.

Опасное сочетание для того, кто уже однажды когда-то еще в прошлой жизни любил похожую девушку.

Ничего хорошего из любви этой не вышло.

Зебл теперь на всю жизнь ученый.

Вспоминая о ней до сих пор ему аукаются, и о многом в своей жизни он жалеет.

Но, как говорится, запретный плод сладок.

Именно поэтому Игнат еще добрых минут двадцать стоит под окнами, пытаясь понять, как эти чистенькие ребятишки,

явно из хорошей семьи, оказались в этом районе на ПМЖ.

Где, черт возьми, их родители?

С одной стороны, чего в жизни не случается.

У Кнопки Сони ее ершистого брательника наверняка припрятана слезливая история о том, как они стали бедными сиротами.

А с другой стороны, Игнату, жуть как любопытно.

Зацепила его Кнопка.

Глазами своими грустными, что прячутся под круглой оправой смешных очков, ну и прочими... кх-кх... прелестями, естественно.

Мужик он, или не мужик, в конце концов.

Еще пошарив по району и проверив парочку адресов, где надеялся найти жирную крысу Расташинского, Зебл, глубоко расстроенный своей неудачей, отправился домой.

Заскочив по дороге в супермаркет, он прикупил себе на поздний ужин пачкупельменей, корма животным, яиц на утреннюю яичницу, а после сам не заметил, как оказался в отделе, куда сроду не заглядывал.

Там он, будто под гипнозом, уставился на пузатый заварочный чайник.

Недолго думая он сгрел этот предмет обихода в свою корзину и твердой, уверенной походкой отправился на кассу, попутно кидая всякие сладости к чаю.

Ух, растравила рыжая Кнопка душу.

Вот прям до зубного скрежета захотелось семейного, до-

машинного уюта.

И пусть у него вместо семьи только четвероногие друзья, которые периодически гадят в ботинки, жить с ними гораздо проще, чем с людьми. Хотя бы потому, что питомцы всегда тебе рады.

От района, где живет рыжая Соня, до дома Игната не так уж и далеко.

Время позднее и по свободному от ежедневных пробок городу, катить особенно приятно.

Он любит возвращаться в свой дом. Место, которое он долго и трепетно выбирал, чтобы обосноваться, бросить, так сказать, якорь, начать степенную оседлую жизнь, как и полагается мужчине его возраста.

В отличие от своего деятельного друга и работодателя Марата Казьменко, Зеблу всегда был по душе неспешный ритм загородной жизни, свежий воздух и птички, поющие по утрам.

Короче, романтика.

Пусть и не деревенская, как, например, в той же Трудолюбовке, но все же с особой прелестью.

До работы ехать неблизко, но терпимо.

Игнат по натуре жаворонок – ранняя пташка, поэтому встать с утра пораньше и приехать в офис на полтора часа раньше до начала рабочего дня для него привычное дело.

Свой добротный, сложенный из обычного белого кирпича дом, Зебл построил на четко заработанные деньги. Именно

поэтому он вышел не таким уж и шикарным, как виделось, зато теплым и уютным, как хотелось.

Большой, облагороженный участок с огромным вольером для собак, мангальной зоной и даже небольшим искусственным прудиком.

Это место могло бы быть почти райским уголком, если бы не соседи.

Вернее соседка.

Пожилая женщина, бывшая жена почившего генерала — Лидия Васильевна.

Совершенно наглая, бесцеремонная и ядовитая женщина, считающая, что ей позволено совать свой нос в дела всех соседей, учить, советовать и помыкать всеми, в том числе и Игнатом, который в силу неведомых самому ему причин, просто не может послать ее на три буквы.

Вот и сегодня вездесущая Лидия Васильевна, сидя на лавочке перед своим ухоженным палисадником, точно карауля приезд Зебла, едва завидев его машину, выпрямилась, подскочила и наострила лыжи прямиком к забору из сетки рабицы, вероятно для того, чтобы в очередной раз попить соседской молодой крови.

Едва Игнат вышел из машины, женщина, поправив выбившийся из прически баклажановый локон, не менее ядовито улыбнулась и хрипло прокаркала:

— Что-то припозднился ты, Игнатушка.

— И вам доброго вечера, Лидия Васильевна, — устало

вздохнул мужчина, даже не пытаясь отгадать, чего опять понадобилось старой змее.

— Кому доброе, а кому не очень, — скривила густо накрашенный рот она. — Твой наглый помойный кот, снова изгадил мне всю дверь!

— Может, это не он?

— Он-он! Я уж точно знаю! — с жаром воскликнула она. — Пометил дверь, а потом до пяти утра орал под окнами, мешая нам с Миледи спать!

— Экспертизу проводили? — невольно ухмыльнулся мужчина.

— Что?!

— Брали мочу на анализ?

— Вот еще! — фыркнула старуха. — Делать мне больше нечего.

— Тогда, — любезно оскалился Зебл, — это точно был не мой Батон. Может, это Михалычев кот прибегал?

— Он же кастрированный!

— Но это не мешает ему гадить на мой газон.

Лидия Васильевна на миг замялась, явно набирая в легкие побольше воздуха, чтобы вывалить на Зебла новую порцию аргументов, как в его кармане внезапно завибрировал телефон.

— Вы уж простите, но я пойду, — учтиво и почти вежливо кивнул он побагровевшей женщине и быстро ответил на звонок: — Але! Пудель, ты куда делся, засранец ты мелкий!

Я тебе обзвонился.

— Дела, Зебл, дела, — хохотнул парень.

— Ну точно, опять прохлаждался.

— Обижаешь, — лениво протянул Пудель. — Шефиню нашу катал по городу. А то босс сильно нервничает, когда она на своей раздолбайке лётает.

Да уж. Влюбленный Марат — это еще та головная боль для всего его окружения, которое только-только после развода с его первой женой привыкло жить в мире, согласии и относительном спокойствии.

Игната радует только то, что Серафима оказалась порядочной, умной и приятной во всех отношениях женщиной. Большая редкость в наше время.

Марату повезло, и Зебл по-своему рад за друга.

Даже завидует ему.

Немного...

— В общем, дело у меня к тебе есть, — в своей привычной манере начал Игнат.

— Магарычовое? — хохотнул Пудель.

— Обойдешься, — беззлобно одернул его Зебл. — Прокатишься завтра до Макара Петровича и отвезешь ему двадцать штук и мою просьбу.

— Ого! — присвистнул парень. — А не жирно борову будет?

— Ох, нарываешься ты, Пудель, — цокнул языком Зебл.

— Твое дело доставить, а не базар тут устраивать. Взрослые

без тебя разберутся, кому и что тут жирно. Ясно?

— Ясно, — буркнул обиженный Пудель. — Все сделаю.

— Добро, — довольно откликнулся Зебл и положил трубку.

Хороший парень Пудель. Работящий, рукастый, башковитый и, если бы не его длинный язык, цены ему бы не было. А так только и годится он на такую непыльную работу, как подвоз Серафимы Альбертовны, и для выполнения мелких поручений.

Глубоко вобрав в легкие пропитанный сыростью и озоном вечерний воздух, Игнат отправился в дом, думая о том, что совсем уже скоро на его стол ляжет полное досье на рыжую Соньку и ее тощего братца.

Зачем, спрашивается, Зеблу это надо?

Да шут его знает!

Он и сам пока не решил, не осмыслил как следует.

Глава 4

Соня

Больше всего мне было жаль зонт.

Не испорченную обувь, замены которой не было, не порванный плащ и даже не безвозвратно утерянные нервные клетки, а именно этот старый, не такой уж и дорогой зонт.

А все потому, что когда-то он принадлежал нашей с Русом маме.

И, казалось бы: ну что так убиваться?

Подумаешь – зонт!

Вон, часы на полке, что покупала мама когда-то, и браслет, и книги, и даже ее французские шарфики.

А все дело в том, что буквально еще пару лет назад маминых вещей в нашем доме было очень много. В нем вообще каждая вещь напоминала о ней. Все они были пропитанны ее запахом, наполнены ее энергетикой.

Вещи стали пропадать с появлением мачехи...

Веронике, словно было мало нашего дома и папы, который к нему прилагался. Она буквально задалась целью убрать любое напоминание о нашей покойной матери.

Я многое сберегла, но при переезде половина вещей будто бы куда-то пропала.

Мы с Русом не досчитались книг, тетрадей с рисунками, фотографий.

Мачеха, змея подколодная, постаралась.

Даже торжествуя победу, не могла сполна ею насладиться, не подгадив напоследок.

Мамин зонт я берегла, берегла и не уберегла...

С грустью думая об этом, зависла напротив магазина дешевой замшгалантереи, что находился в соседнем от моей работы здании, и с коротким вздохом вошла внутрь.

Буквально еще пару месяцев назад такой предмет обихода, как зонт, меня мало интересовал.

Зачем?

Если везде и всюду передвигаешься на авто и даже в случае непогоды добежать от машины до порога гораздо проще и быстрее, чем возиться с зонтиком.

Теперь пришлось оставить привитые с детства барские замашки и принять многие вещи как данность. Дождевик, зонт, а так же теплые зимние боты не для красоты, а для тепла — моя самая настоящая реальность.

Ужас, правда?

Хотя, нет, это еще не ужас.

Приценившись к удобным складным зонтикам родом из китайской провинции, я поняла, что такое настоящая жесть. Особенно, когда в кошельке у тебя всего несколько тысяч рублей, а до зарплаты еще надо прожить на них полторы недели.

И ладно бы жила я одна.

На морковке, картошке, свекле протяну.

Но у меня на шее сидит брат. Молодой, растущий организм, несмотря на скелетообразное сложение, кушает хорошо и с аппетитом. Короче, сметает из холодильника все, что в нем появляется.

— Вам что-то подсказать? — спрашивает продавец — женщина средних лет.

Я отрываю взгляд от витрины и рассеянно гляжу в ее совершенно недоброжелательное, осунувшееся и будто бы лишенное естественных красок лицо. На нем ни капли интереса или желания угодить клиенту. Лишь печать безнадежной обреченности, ибо работать надо.

Боже, неужели лет через десять я буду выглядеть так же?

Тряхнув головой и отбросив плохие мысли в сторону, вымученно улыбаюсь женщине и прошу показать мне красный зонт. Он чем-то похож на мой старый, хоть и качество, конечно, в разы хуже.

— Сколько он стоит? — спрашиваю у продавца и одновременно ежусь от неприятного чувства между лопаток.

Мне кажется, или кто-то пытается взглядом прожечь во мне дыру?

Повинуясь какому-то неясному ощущению, резко оборачиваюсь и перехватываю пристальный мужской взгляд.

Обычно незнакомые люди в такой ситуации сразу же отводят взгляд и переключаются на что-то иное, но незнакомец, наоборот, ловит мое внимание и удерживает его глазами, в которых читается ничем не прикрытый интерес.

Рассеянно моргаю и пытаюсь понять, чего этому индивиду от меня надо.

Лихорадочно перебираю в памяти последних клиентов, которым выдавала кредит. На деменцию не жалуюсь, но его вспомнить не могу.

Кто же он?

Оцениваяще пробегаюсь взглядом по одежде незнакомца и, отметив про себя довольно добротные и явно не дешевые вещи, делаю вывод, что ему я кредит точно не могла выдать.

— Девушка, вы будете брать?! — между тем, интересуется продавщица.

— А? — вяло отзываюсь, разрываю наш зрительный контакт со странным мужчиной и снова обращаю свое внимание на зонт.

— Зонтик, спрашиваю, брать будете?

— А, нет... нет, в следующий раз...

С этими словами я отхожу от прилавка, и в спину мне летит недовольное ворчание женщины:

— Вот блаженная.

Быстрым шагом иду в сторону выхода и прямо у двери буквально сталкиваюсь плечом к плечу с тем самым незнакомцем.

Негромко охая от удара, краем глаза вижу, как у мужчины из рук летит на пол какой-то пакет. Он, словно по инерции, придерживает меня под локоть, хотя я и не нуждаюсь в поддержке.

— Извините, — слышится совсем близко глухой баритон.

— Вы в порядке?

— Все нормально, — не слишком-то вежливо отзываюсь я и поднимаю взгляд.

Вблизи мужчина выглядит еще более респектабельно и привлекательно. Стильная стрижка, ухоженная бородка. Он довольно молод — не старше меня. На широком развороте плеч идеально чистое без единой пылинки темно-синие пальто, а в глазах живой интерес и участие.

Помимо воли, под пристальным взглядом мужчины, в желудке все сжимается от волнения, и я, с трудом взяв себя в руки, стараюсь скрыть его.

— Осторожнее нужно быть, — довольно неприветливо бросаю и высвобождаюсь из его рук.

— Вам бы тоже не помешало смотреть под ноги, — усмехается в ответ он.

— А вам по сторонам, — призвав на помощь всю свою язвительность, вскидываю бровь я. — Всего доброго!

С этими совами, обогнув его, я все же выхожу на улицу и, обернувшись, через стекло вижу, как, присев на корточки, мужчина собирает обратно в пакет выпавшие покупки.

На мгновение, глядя на его чеканный профиль, меня посещает чувство дежавю. Ощущение, будто я уже встречала этого человека, но не помню, где и когда.

Из секундного транса меня вырывает звук телефона, что начинает разрываться в кармане пальто.

— Да, Поль?

— Пушкина! — взрывается динамик нервным голосом коллеги. — Где тебя ангелы носят?

— В магазине, — устало отзываюсь я.

— Живо дуй сюда. К нам новый управляющий должен вот-вот прикатить!

— Поль, у меня вообще-то есть еще пятнадцать минут законного перерыва. Я поесть не успела.

— Ты что, Пушкина, головешкой ударилась?! Про него тут такие слухи ходят: говорят, зверь в костюме. Если не хочешь, чтобы тебя выперли, то без обеда обойдешься!

— Но..., — мой желудок выступает категорически против такого приказа.

— Ты потом, — припечатывает коллега жестокой правдой, — нормальной работы в нашем районе фиг найдешь.

— Умеешь ты все настроение испортить.

— Было бы там что портить!

Что правда, то правда. С этим не поспоришь.

Бросив последний, тоскливый взгляд на киоск, где жизнерадостный армянин торгует шаурмой, с тяжелым вздохом развернулась и потопала в противоположном направлении, а именно – в свой треклятый офис.

Полина права.

После того волчьего билета, что выписала мне мачеха и ее новый мужик, лучше места, чем наша микрозаймовая дыра мне не найти. Ни в одно приличное место меня работать не

возьмут.

Стоит об этом подумать, как в груди все печет от вселенской несправедливости.

Что б моей мачехе икалось!

Что б она прыщами покрылась на всю оставшуюся жизнь!

Мало было змее имущества папы. Надо было подгадить мне так, чтобы у меня не было ни единой возможности нанять хорошего адвоката.

Хотя, сдается мне, адвокат в нашем с Русом деле мало чем поможет. Там не просто дело, а целое «делище», что больше по части следственного комитета.

Размышляя об этом, я толкаю дверь нашего денежного гадюшника и, едва волоча ноги от внутреннего желания слиться с этой работой, все же плюхаюсь на свое место за столом.

Как есть – в пальто и шапке. Сегодня холодно, а у меня ушки мерзнут.

— Чего расселась, Сонька? — тут же одергивает меня старший менеджер. — Давай работай!

Морщась от мерзкого по своей природной тональности голоса Марины Юрьевны, все же раздеваюсь и пристраиваю свою попу в форменной юбке на место.

— Шустрей-шустрей! — прикрикивает вдогонку Юрьевна.

Этой женщине надо не в банке, а в тюрьме работать. Зеков гонять. Даже самый флегматичный и отрешенный ото всего Паша после месяца работы в нашем серпентарии стал нервно

дергаться от ора Марины Юрьевны.

Эдак он никогда не заработает на свою вожденную однушку в девятнадцать квадратных метров и окочурится вследствие неврологического тика. Заклинит парня и все...

— Шустрю я, шустрю, — почти любезно отзываюсь я и, натянув на физиономию привычный доброжелательный оскал приступаю к своим непосредственным обязанностям.

И в следующую секунду дверь с улицы распаивается, являя моему взору очередного клиента. К моему невероятно-удивлению им оказывается тот самый мужик из магазина.

Если еще пару секунд назад мое настроение было просто паршивым, то сейчас степень его паршивости удвоилась.

А уж после того, как этот красавчик, сделав пару шагов, командным тоном объявил:

— Добрый день, коллеги. Я Владислав Паршин!

— О, божечки, — пискнула рядом Польша. — Это наш новый босс.

— Чего...? — выпала в осадок я.

Короче, паршивость утроилась.

Как по закону подлости, моя короткая недоуменная ре-марка не осталась незамеченной для нового начальника и старшего менеджера. И если последняя глянула со всей стервозной строгостью, то второй смотрел совсем иначе. С интересом и даже какой-то едва уловимой иронией.

Бросив в мою сторону уничтожающий взгляд, Марина Юрьевна расплылась в улыбке перед новым начальником и

почти сладко пропела:

— Добро пожаловать, Владислав Сергеевич. Мы вас ждали!

— Оно и видно, — со смешком бросил он, осматриваясь. Мы с Полькой одновременно застыли, как статуи, изображая из себя идеальных банковских работников. Обе с приклеенными к лицам улыбками. Втянули животы и равнодушно уставились на вошедшего клиента.

Заценив нас, новый босс, непонятно чему кивнул и повернулся к старшему менеджеру:

— Думаю, Мария Юрьевна, с коллективом я познакомлюсь после. Сейчас пусть лучше принимают клиентов. Устроим небольшое знакомство после закрытия офиса. А сейчас покажите мне мой кабинет?

Это он ту крысиную конуру в конце нашего зала назвал кабинетом?

Боюсь, красавчик, тебя тут ожидает большой облом.

Вот уж не знаю, откуда его такого респектабельного к нам прислали, но тут он явно не от хорошей жизни.

— Ты слышала? — ткнула меня в бок Полька. — Он сказал: после закрытия знакомиться будем.

— Ага, — кивнула я.

— Будто нам после работы заняться нечем! — возмутилась она. — Меня муж, между прочим, ждать будет.

Я ничего не ответила, только вздохнула и принялась за работу, которой было, к слову, немало.

Остаток рабочего дня тянется невыносимо долго. Постоянно поглядывая на настенные часы и мысленно проклиная так медленно ползущую стрелку, всеми силами стараюсь абстрагироваться от хамства очередного клиента и думать о чем-нибудь хорошем. Например, о том, как я приду домой и, упав на свой разложенный диван, просто провалюсь в крепкий сон.

Ах, какое бы это было счастье!

И какая непозволительная роскошь!

Поспать мне все равно никто не даст, потому что дома сегодня есть нечего, и если я еще могу перебиться на сухом пайке, то Руслана кормить надо.

Кстати, о нем!

Украдкой достав телефон, открываю мессенджер и кидаю брату сообщение, где в приказном порядке порожу почистить картошки к моему приходу. Он, конечно, не сильно рад такому повороту событий, но деваться ему особо некуда.

«Кто не работает, тот не ест» — отправляю ему вдогонку.

За что в ответ получаю грустный смайлик и обиженное молчание.

Знаю, что вечером будет дуться на меня, но недолго. Чует свою ответственность за разбитое окно и образовавшуюся в результате этого нехватку денег в нашем семейном бюджете.

— Нафига мне эта школа, Сонь?! — иногда пыхтит он в очередном запале. — Давай я ее брошу и пойду работать. Я мужик и должен зарабатывать!

Откуда у него такие радикальные мысли, право, не знаю.

— Угу. А затем отправишься в детдом, — мгновенно осаживаю ее.

А то раскрылился, больно!

— Это еще почему?

— Потому, что я твой опекун и не справляюсь со своими обязанностями, ведь по закону России дети должны учиться в школе, а не работать.

После этого Рус сдувается и смотрит жалобно и обреченно, понимая, что никто не спасет его от очередной контрольной по математике.

Наконец, этот длинный день подходит к концу. Без одной минуты восемь Польша начинает шустро собираться, и ей удается избежать «знакомства» с новым начальником. Я же, задержавшись в туалете, не успеваю схватить свой плащ, как в клиентском зале появляется наш новый босс и, чарующе улыбнувшись, командует:

— Прошу всех в мой кабинет. Это не займет много времени.

Мы с Пашей быстро переглядываемся и уныло тащимся вслед за Паршиным. Заходим в тесную конуру без окон, и первое, что замечаем, это большой и, наверное, очень вкусный торт.

— Не задерживаемся! — командует Марина Юрьевна и принимается резать торт. — Пашка, быстро чай наводи!

Паша бледнеет, краснеет, сглатывает, но послушно пле-

тется к чайнику.

Я же скромно присаживаюсь на стул подальше от нового начальства и решаю, что уж если не получилось свалить потихому, то хоть тортика поем в свое удовольствие. Тем более, кушать хочется — аж желудок сводит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.